

● «Все самое мрачное в истории России от того, что она позволяет себе быть не Европой»

Лев Додин: «Мы живем в нераскаившейся стране, не чуя под собой истории»

кажется, почти с самого начала было очевидно, что это поверхностно.

И уже тогда было понятно, что многое не прочитали, не услышали. Тот же роман Гроссмана. Как только он вышел, я ношу с мыслью рано или поздно к нему обратиться. Потому что он дает мощный анализ тоталитаризма духа. И невозможности несвободы и ужаса от масштаба того, что порождает несвободу. Он же не прочитан. Солженицын не прочитан. Даже «В круге первом» по-настоящему не прочитан. Не осознан. Пытаются возвращаться к этим вопросам, говорить честные вещи, но на каком-то таком приукрашенном и наивном уровне. Смотреть барачные сцены в «Московский хор» не ловко. Есть же фотографии, есть воспоминания. А здесь такие все благополучные в ватниках. Происходит подмена. У Аксенова вохровец насилует, а в фильме он слушает, как эковки читают Мандельштама, и у него текут слезы.

— То, что сейчас принято называть масскультом, можно приблизить к искусству?

— Нет. Искусство поглощается масскультом. Я еще застал то время — вступать в партию надо было, чтобы облагородить партию изнутри. Нельзя, чтобы в партии были только плохие. Пусть будут и хорошие. Партия лучше не становилась, а хорошие люди становились плохими. Попытка, с одной стороны, облагородить масскульт и потратить художественные силы ведет только к одному — искусство скатывается к масскульту. Мы по инерции все говорим — массовая культура, массовая культура, а я уже говорил бы сегодня — единственная культура. Театр драматический падает в недра масскультуры. Недаром все меньше собственно драматического

театра. В последний год на крупнейших театральных фестивалях почти не было драматических спектаклей. Пластические спектакли, невербального всякого рода зрелищность.

— Вы считаете, что зрелищность не может служить целям искусства?

— Может, может. Есть классический балет, к примеру. Есть, к примеру, Форсайт. Но это опять тонкая прослойка, а все остальное зрелищное спускается к масскультуре. Эффектность вместо смысла, плоскость вместо глубины, называемость вместо образности.

— Человек, воспитанный масскультом, может проникнуться истинным произведением искусства?

— Я думаю, может. Потому что большое произведение искусства все равно потрясает. Мы в Америке, в Сан-Диего, сагитировали одну семью прийти в театр. Покупали в магазинчике главы семьи мне пальто. И для них это было потрясение. Они вообще не ходили в драматический театр, а тем более русский. И они долго нам писали, начали ходить в театр.

В Англии проводился семинар. И все жаловались: снижается круг зрителей — пролетариат не заходит на спектакли. Вот они предпочитают сидеть в рабочем клубе. Ну, я посмотрел их спектакли. Спектакли не самые увлекательные. Скудные. Это вообще свойство современного театра. Вроде как вообще чувства показывать не ловко. Да и есть ли эти чувства и где их взять? И я говорю: сводите меня в рабочий клуб. Что это такое? Оказывается, это целое движение в Великобритании. И меня повезли. В рабочем районе такое двухэтажное здание, очень простое. И там все: кафе, пивная, зал для бильярда, для бинго. Можно сидеть семьями, можно в жен-

ской компании, можно — в мужской. И там такая интересная, насыщенная, нескучная жизнь. В перерыве между играми они самостоятельность показывают. Плохо, но поют. И там веселее, чем в любом театре. И мне неловко было, но я сказал: сделайте так, чтобы у вас им было интереснее.

— Но это не есть потакание вкусу и обращение к масскульту?

— Нет. Сделайте не концерт самостоятельности, а такое, чтобы перешибить, чтобы их потрясло. Чтобы они или смеялись до упаду, или плакали до слез. Они пойдут. А сейчас в театре и не смеешься до упаду, и не плачешь до слез. Человек, который привык ходить в театр, придет в любом случае. Но тот, кто не хочет в эту игру играть чисто ритуально, просто так не придет. Пролетариату не надо делать вид,

«Так изуродовали и так измучили народ, что он не хочет анализировать свое уродство, потому что это тоже очень больно»

что для него важен театр. Так же как не надо стесняться того, что он любит пить пиво. Он в этом вполне свободен. А ты заставь его пойти. Заставь его потряситься, испытать что-то очень сильное про себя. Что никакой масскульт никогда не заставит. Масскульт может только отвлекать от себя. И масскульт довольно сильно отвлекает. Искусство же возвращает человека к себе. Это довольно мучительная штука. Но когда это происходит, человек испытывает наслаждение.

— Вы чувствуете какие-то обязательства перед Европой, которая дала вашему театру — третьему в мире — статус Театра Европы?

— Быть приличным театром. В Европе очень много плохих театров, так же как в России. Но хочется быть приличным во всех смыслах — в художественном, человеческом и эстетическом. И быть достаточно свободным от целого ряда предрассудков. Все-таки у нас с Европой связано огромное количество предрассудков во взаимоотношениях. Соответственно нам все время хочется доказать, что мы тоже европейцы. Но мы это так азартно доказываем, что волей-неволей возникает в этом сомнение. Но я-то убежден, что Россия — Европа и все лучшее в России связано с тем, что она Европа. И все самое мрачное в истории и культуре России связано с тем, что она не Европа, или с тем, что она позволяет быть себе не Европой. Поэтому мне кажется важными свобода от предрассудков и обнаружение того, что мы одно. Поэтому для нас так важен — работаем мы здесь или там — разговор, что называется, с городом, со страной, с миром.

— А как можно говорить с миром, если вы обращаетесь все время к чисто советским проблемам? Что, скажем, может быть для иностранца в спектакле «Московский хор»?

— Последний раз мы его в Риме играли. В какой-то мере иностранцы воспринимают это много острее, чем россияне, — все, что связано с советской действительностью. Для нас в этой жизни много обычного. С чем-то мы смирились, а для них каждая секунда этой жизни непознаваема и трагична. Они не могут себе представить, что человек может быть так изначально унижен и может этого даже не понимать.

У меня есть хороший знакомый, интересный человек, пожизненный сенатор Итальянской Республики. Очень старый, один из создателей социалистической партии, он когда-то тяготел к Советскому Союзу. И в далекие советские годы они были где-то на севере. В ресторан маленькой гостиницы, где их поселили, привезли маленький оркестрик. Он играл, пока гости ели. И вокруг собралось много местных жителей — послушать. А милиция их не пускала. Итальянцу уже одно это было дико: людей не пускают послу-

● Андрей ВОЛКОВ — специально для «Новой Таймыр». Фото автора